

Он почтительно отвел глаза, низко поклонился, затем поднял голову и тихо повторил:

— Отец, матушка, я непременно возрожу книжную лавку, выясню правду и смою ложные обвинения.

После этого Цзи Чаоань взял себя в руки, вышел из главной комнаты, пересек двор и остановился у распахнутых дверей книжной лавки, услышав за ними звонкий мальчишеский голос:

— Братец Чаоань! Братец Чаоань! Это я, А Шо! Братец, ты не пострадал? Я принес тебе лекарство.

Мальчика звали Ма Шо, он был младшим сыном Ма Лаозэр. В отличие от своего никчемного отца-пьяницы, Ма Шо учился в академии Сюанькун. Он обладал острым умом, был миловидным и невероятно обаятельным ребенком, которого все любили. В этом году ему исполнилось всего восемь лет. Наставники академии отзывались о нем так: Ему уготовано великое будущее.

Хотя родители Ма Шо отличались холодным нравом, сам малыш рос добрым по природе, часто навещал Цзи Чаоаня и считался его другом детства.

Однако... Прислушиваясь к стуку в дверь, Цзи Чаоань чувствовал, как его взгляд становится все холоднее.

В этот самый день в прошлой жизни его избили до полусмерти, и он вернулся домой весь в синяках и ранах, от одного вида которых у любого замирало сердце. Узнав об этом, Ма Шо принес целебную мазь, оказав помощь именно тогда, когда она была так необходима.

Но, возможно, из-за того, что его тело в те дни было слишком слабым, наружные раны не заживали даже после лекарств, а вместо этого у него начался жар, закружилась голова, и он пролежал в полубессознательном состоянии несколько дней.

Он еле сводил концы с концами лишь потому, что Ма Шо каждый день тайком от родителей приносил ему какой-нибудь нехитрый перекус.

Пока однажды слуга Резиденции графа Чэнъи, пришедший с ежемесячным довольствием, не заметил неладное и не отвез его к лекарю.

Лекарь лишь сказал, что рана воспалилась, выписал снадобья для промывания и приема внутрь, и ему потребовалось полмесяца лечения, чтобы пойти на поправку.

Но в этой жизни он отделался лишь парой царапин, да и когда они столкнулись с Ма Лаозэр, у него разве что порвалась одежда да растрепалась прическа — с чего бы Ма Шо снова так встревоженно бежать к нему с лекарством?

Выходило, что в прошлый раз его раны долго не заживали вовсе не из-за детской слабости, а потому, что с тем лекарством было что-то не так?

Цзи Чаоань вспомнил, что в Переулке Хуайшу жило много торговцев, поэтому патрульные ходили там круглые сутки, порядок поддерживался отлично, а кражи случались крайне редко.

Если кто-то хотел похитить закладную на дом, разве не было проще всего проверить это, пока он лежал без чувств и был беззащитен, позволив кому-то из знакомых по одному заглянуть во все уголки дома и спокойно во всем порыться?

Чем больше Цзи Чаоань думал об этом, тем сильнее разгоралась в его груди ярость, однако на губах заиграла улыбка.

Неизвестно, с каких пор у него вошло в привычку: чем хуже было его положение и чем сильнее гнев в душе, тем безмятежнее и элегантнее становилась его улыбка, напоминавшая дуновение весеннего ветерка.

Он окинул взглядом неубранный, полутемный интерьер лавки, ногой подвинул пару табуретов со сломанными ножками, отворил дверь и непринужденно улыбнулся:

— Спасибо, что А Шо помнит обо мне, заходи скорее в дом.

За дверью стоял мальчик в ватном пальтишке и ученической шапочке, с белоснежным лицом, круглыми и яркими глазами, обеими руками прижимавший к груди круглую белую фарфоровую коробочку. Именно так Ма Шо выглядел в детстве.

Стоило скрипучей деревянной двери открыться, как Ма Шо показалось, будто вокруг внезапно стало светло и просторно. Он на мгновение остолбенел, глядя на лицо Цзи Чаоаня, и лишился дар речи.

Пусть кровь Цзи Чаоаня и была презренной, происходил он из низшей породы сероперерых диких фазанов, но внешность его летописцы в свое время клеймили не иначе как способную потрясти царства и свести страны с ума. Хотя он был еще мал, эта красота уже начинала проступать, а теперь, озаренная безмятежной улыбкой, она заставила замереть даже Ма Шо.

Улыбаясь, Цзи Чаоань принял из его рук маленькую фарфоровую коробочку, провел гостя в дом и произнес:

— Пустяковая царапина, а заставила А Шо волноваться. Откуда у тебя столько карманных денег, чтобы купить такое лекарство?

Ма Шо все еще пребывал в оцепенении и, машинально переставляя ноги, переступил порог комнаты. Смущенно бормоча, он ответил:

— Ой, о-она ведь стоит совсем недорого, зачем братцу Чаоаню со мной церемониться?

В прошлой жизни Ма Шо только и делал, что расписывал, какой драгоценной и редкой была эта коробочка, уверяя, будто стащил ее из дома рискуя навлечь на себя отцовский гнев, лишь бы вылечить Цзи Чаоаня.

Тогда Цзи Чаоань испытывал одновременно трогательную благодарность и угрызения совести, еще крепче уверовав в то, что братец А Шо — человек надежный и добрый, с которым стоит открыть душу.

Кто же знал, что сейчас, стоило ему задать лишь один лишний вопрос, слова Ма Шо тут же изменились, сделав лекарство еще более подозрительным.

Сохраняя полное спокойствие духа, Цзи Чаоань улыбнулся:

— Тогда братец заранее благодарит А Шо.

Пока они разговаривали, Ма Шо прошел вглубь лавки, но вдруг обо что-то запнулся и помимо своей воли полетел вперед. Непонятно почему, но его шапка слетела с головы, и мальчик со всего маху врезался лбом в ножку полупустого табурета.

Ма Шо был всего лишь восьмилетним ребенком, от такого падения он пронзительно взвыл от боли, и из его глаз брызнули слезы.

Цзи Чаоань испугался сильнее него самого. Он усадил мальчика на целый табурет и в панике запричитал:

— А Шо, ты кровоточишь!

Ма Шо только-только сообразил, в чем дело, а Цзи Чаоань уже ловкими движениями вытер платком кровь с его виска, открыл ту самую коробочку с мазью и принялся намазывать рану.

Цзи Чаоань действовал быстро и безошибочно. К тому моменту, как Ма Шо пришел в себя и попытался воспрепятствовать, его лоб уже покрывал толстый слой черной мази, которую было не так-то просто стереть.

Ма Шо охватила паника, но Цзи Чаоань намертво прижал его руки. Несмотря на то, что тот вроде бы не прикладывал силы, вырваться оказалось невозможно. Мальчик больше не смог удерживать на лице кроткое выражение, свирепо уставился на него и гневно рявкнул:

— Отпусти!

Однако Цзи Чаоань мягко улыбнулся:

— Когда на рану наложено лекарство, она неизменно саднит и зудит. Ни в коем случае не трогай ее руками. Мой хороший А Шо, потерпи еще немного.

Ма Шо был совершенно дезориентирован и лишь исступленно повторял:

— Цзи Чаоань, отпусти! Я не буду мазать рану!

Улыбка Цзи Чаоаня стала еще приветливее, но взгляд сделался глубоким и ледяным:

— О? Почему же не хочешь лечиться? Неужели... в этом лекарстве есть яд?

Встретившись с ним взглядом, Ма Шо почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он даже забыл кричать и лишь изо всех сил затряс головой, горько всхлипывая и заливаясь слезами.

Цзи Чаоань продолжал крепко держать его за запястье, излучая со всех сторон заботу, и мягко произнес:

— Чего же боится А Шо?

Ма Шо плакал в три ручья:

— Го... голова болит...

Цзи Чаоань улыбнулся:

— А с этим ничего не поделаешь, раз уж поранился — непременно будет больно. Не бойся, А Шо, братец всегда возвращает добро в двойном размере, а обиды — в десятикратном. Ты пришел с добрыми намерениями принести лекарство, но пострадал в моем доме, поэтому братец непременно должным образом тебя отблагодарит.

Его голос звучал даже мягче обычного, но когда было произнесено слово отблагодарит, у Ма Шо задрожали колени и чуть не случился конфуз.

Он ведь всего лишь круглый сирота, презренный серый птенец дикого фазана, так с чего же он вдруг стал таким жутким, внушающим такой леденящий ужас?

Ма Шо уже не думал ни о чем другом, он лишь безостановочно ревел, размазывая по лицу слезы и сопли так отвратительно, что Цзи Чаоань едва не отпустил его раньше времени.

Однако мальчишка держал язык за зубами: как ни дави, не пожелал добавить ни единого лишнего слова.

Лишь дождавшись, пока мазь на виске младшего братца подсохнет, Цзи Чаоань проявил милосердие и отпустил его.

Словно получив помилование, мальчишка отчаянно затер корку мази на лбу и бросился наутек, не оглядываясь.

Прошу прощения, главу основательно переписали _(:з[]∠)_

Подарок от мастера меча

Семья Ма Лаоэр, которая всегда тряслась над младшим сыном как над драгоценностью, утерлась столь горьким поражением и стерпела его, даже не явившись к Цзи Чаоаню устраивать скандал.

Трудно сказать, было ли это совестимо с воровским страхом или за этим скрывался какой-то умысел.

Судя по натуре Ма Лаоэр... скорее всего, последнее.

Теперь, когда у Цзи Чаоаня созрел план, он ничуть не боялся.

Ближе к ночи у Ма Шо не только покраснел и опух весь висок, но и распухла половина лица, а сам он занемог в жару.

Госпожа Ма в конце концов пожалела сына и, снедаемая яростью, собралась идти к Цзи Чаоаню сводить счеты.

Однако самого Цзи Чаоаня дома не оказалось: еще до наступления темноты он прихватил плетеную корзину со старой серой кролик и покинул город.

Когда Цзи Чаоань только выходил с корзиной, серой кролик ожесточенно заскребла лапами по старой одежде, отчаянно пытаясь выбраться наружу. В ее движениях чувствовался яростный порыв сделать последнюю попытку перед лицом смерти.

Изначально Цзи Чаоань не собирался с ней разговаривать, но, нахмурившись и увидев, как этот пушистый серый комочек размером с ладонь отчаянно борется за выживание, он на мгновение растерялся и оборвал упрек на полуслове.

Он легко прижал загривок серой кролик, и мягкая шерстка заскользила между пальцами — эта шейка была настолько хрупкой, что стоило приложить чуть больше силы, и она бы сломалась.

В душе то поднималась, то затихала темная, злобная волна.

Гао Хуай и Гао Яо, эти братья с самого рождения имели все основания ненавидеть друг друга до мозга костей, и схватка не на жизнь, а на смерть была предрешена.

Он же оказался лишь той самой рыбкой из пруда, которая пострадала при сушке речки.

Раз уж ему не удалось избежать спасения Гао Хуая тогда, то в будущем он, скорее всего, вновь окажется втянут в распри между братьями.

В нынешнем положении лучше всего было бы убить зверя, покончив со всем разом и навсегда избавившись от будущих бед.

Однако... однако.

Пусть из-за Гао Хуая он бесчисленное число раз балансировал на краю гибели.

Но и помощи он получил от Гао Хуая больше всего.

Когда этот древний свирепый зверь принимал человеческий облик, его черты поражали ослепительной и отрешенной красотой, напоминая парящего бессмертного — чистого и непорочного. И в то же время лишение жизней и накопление грехов давались ему легко, словно питье воды, методы отличались кровожадностью, нрав был непредсказуем, и даже самые преданные подчиненные трепетали перед ним в постоянном страхе.

Но Цзи Чаоань никогда его не боялся.

Однажды Гао Хуай ходил в поход на Город Глубин в Царстве Чешуйчатых, и когда вернулся, от него разило кровью так густо, что от этого запаха подступала тошнота. Цзи Чаоань, испытывая жуткое отвращение, выгнал его из внутренних покоев Террасы Цзючжан.

Придворных от страха едва не хватил удар: они решили, что подобный поступок императрицы неминуемо разгневет тирана и навлечет кровавую бурю на весь гарем — пожалуй, придется заплатить жизнями тысяч евнухов и служанок, чтобы укротить его гнев.

Но Гао Хуай стерпел все без единого слова упрека. Молча проспав несколько дней в кабинете, он испробовал множество способов: воскурял благовония, омылся в бане, совершал очистительные практики — перепробовал решительно всё.

И лишь когда запах крови окончательно выветрился, он нетерпеливой поступью поспешил навестить императрицу.

После этого случая придворные наконец уяснили: этот императрица-муж, хоть и происходил из низов и появился при дворе несправедным путем, занимал в сердце Его Величества абсолютно непоколебимое положение.

Добро возвращать в двойном размере, а обиды в десятикратном — таково было правило Цзи Чаоаня. И когда-то давно, возиться с кроликом, он, должно быть, собственным примером привил эту привычку Гао Хуаю.

Цзи Чаоань и сам не понимал, неужели Гао Хуай оказывал ему столько милости и снисхождения лишь в знак благодарности?

Или же здесь замешано... нечто личное?

В конце концов, чтобы отплатить за добро, вовсе не обязательно отдавать себя целиком, а искреннюю страсть в постели невозможно сыграть.

Как бы то ни было, Цзи Чаоань был неспособен на неблагодарные поступки.

Куда правильнее будет залечить раны зверя, а затем отправить его в Царство Рогатых, которому принадлежат кроличьи духи, предоставив их дальнейшей воле судьбы. Желает ли Гао Хуай отомстить или отблагодарить кого-то, станут ли братья истреблять друг друга — Цзи Чаоаня это волновать не будет.

Сам же он, без сомнения, обретет легкость на сердце. Опираясь на опыт и кругозор, накопленные за прожитую заново жизнь, возродить былую славу Книжной лавки Юнчэн не составит труда.

А после... хотелось бы попутешествовать по четырем землям духов и семи областям людей, дабы воочию увидеть Павильон Меча — священную обитель, к которой устремлены помыслы всех мечников под небесами.

Приняв окончательное решение, Цзи Чаоань снова слегка пощупал загривок кролика, после чего разжал пальцы и тихо промолвил:

— Не паникуй понапрасну, я ведь знаю, что ты не простая скотина. Если хочешь, чтобы твоя лапа зажила быстрее, веди себя смирно и отправляйся со мной за город, я сумею тебя вылечить.

Это заявление настолько ошеломило серой кролик, что ее тело окоченело, заставив позабыть даже о попытках вырваться. Пару мгновений ее черные глазки-бусинки тупо смотрели в пустоту, пока она, словно очнувшись, не моргнула пару раз, а затем перевела взгляд в сторону, делая вид, что ничего не поняла.

Тем не менее, сдержаться до конца ей не удалось: она с явным отвращением отпихнула в сторону кусочки батата, которые при недавней борьбе покатались к ее передним лапам.

Цзи Чаоаню это показалось забавным, и он не удержался — снова протянул палец, пару раз подразнив кроличью лапку. Лапка оказалась мягкой и тонкими, а трехраздельная губа неподвижно молчала, не выдавая и следа прежней свирепости, с которой та кусалась.

Он продолжил говорить:

— Злоумышленники вознамерились завладеть моим имуществом, а значит, они определенно не оставят попыток довести дело до конца. Я намерен вырвать сорняк с корнем, но положиться больше не на кого, так что ехать за город придется. Заодно и твою лапу подлечу — кроме того, с твоими размерами в одну ладонь тебе все равно не хватить меня на один зубок. Даже если бы я захотел тебя съесть, тебя сначала нужно откормить, так о чем ты переживаешь?

Серой кролик изобразила лишь простодушное и наивное выражение, полуприкрыв веки и забившись под ватную одежду, однако в глубине ее черных зрачков таилась непостижимая бездна.

Никто бы и подумать не мог, что под этой кроткой и хрупкой шкуркой скрывается настоящий древний свирепый зверь.

В летописях Гао Хуай предстал печально известным тираном, попирающим законы приличия и устои, хладнокровным, безжалостным отцеубийцей и цареубийцей, который некогда вел за собой миллионную армию в латах и залил кровью все четыре царства, превратив их в горы трупов и моря огня, куда бы ни указывал его меч.

Ему полагалось бы умереть страшной смертью на поле боя, так чтобы и костей не нашли.

Как же этот кровожадный монстр, от одного имени которого кровь стыла в жилах, мог польститься на жалкие кусочки батата? Немудрено, что он отличался железобетонными принципами и пресловутой разборчивостью в еде.

Цзи Чаоань не собирался с ним сюсюкаться. Прихватив плетеную корзину, он вышел через заднюю дверь, обошел шумный Проспект Чжуцзюэ, проскользнул по безлюдным переулкам и спешно покинул Луоцзин еще до полудня.

Добравшись до пустынной окраины столицы, Цзи Чаоань явил свою истинную сущность юйминя, обратившись в невзрачного серого фазана длиной чуть больше фута. Двумя лапами он ухватился за ручку корзины и, покачиваясь, полетел в сторону Горы Чанлю к востоку от Луоцзина.

Стоило покинуть пределы столицы, как небо вновь затянуло тучами, и пошел мелкий снег.

Гора Чанлю тоже утопала в белых снегах, и чем выше они поднимались, тем злее свирепел ледяной ветер, так что забираться в гору в такую погоду было довольно опасно.

Длетев до подножия, Цзи Чаоань выбился из сил и снова обернулся человеком. Прижимая к груди корзину, он накинул на плечи самую тесную ватную куртку, плотно закутав в нее и корзину, и собственное тело, после чего зашагал в гору сквозь бушующую метель.

Спустя час он добрался до середины склона и потратил еще полчаса на поиски пещеры,

скрытой в расселине скалы.

Хотя духовная сила на высеченных у входа рунах почти развеялась, их остаточная мощь все еще ощущалась: при приближении оттуда веяло такой остротой, что казалось, она способна рассечь кожу. Прошлый обитатель наверняка был мечником, поэтому любые мелкие духи и звери заблаговременно обходили это место стороной, и вокруг пещеры было необычайно чисто.

Цзи Чаоань покрепче прижал к себе корзину, другой рукой успокаивающе погладил кролика и спокойно произнес:

— Я Цзи Чаоань.

Стоило звукам стихнуть, как ощущение колющей боли, подобной направленным клинкам, мгновенно исчезло, позволив Цзи Чаоаню беспрепятственно войти внутрь.

Волвы и свист метели остались снаружи, заставив Цзи Чаоаня испустить долгий вздох облегчения.

Набрав в углу немного хвороста и воспользовавшись готовым кресалом, он привычным движением развел костер, а затем разложил у пламени успевшее наполовину промокнуть от снега ватное пальтишко и корзину с серой кролик.

Сухие ветки затрещали в огне, и тепло разогнало сырость и холод пещеры. Промерзшая до костей крольчиха присела у очага, постепенно переставая дрожать, и лишь тогда набралась смелости высунуть голову из-под хлопчатобумажной ткани, чтобы украдкой поглядеть, чем занят мальчик.

Завернув оставшийся батат в глиняную корку, Цзи Чаоань бросил его прямо в угли, после чего закатал рукава и извлек из илистой почвы в самом дальнем углу пещеры небольшой деревянный ящик.

Коричневый деревянный ящик выглядел совершенно заурядно, однако мальчик уселся с ним у костра, словно с величайшим сокровищем, и с видом хвастуна откинул крышку, по очереди вытаскивая оттуда диковинки.

Пара детских сине-стальных мечей длиной в один цунь и два фэня, чье тело целиком состояло из безупречного нефрита, а лезвие было лишено острой грани, напоминая игрушку, хотя густая сеть рун покрывала всю поверхность, ясно давая понять, что вещица далеко не проста;

Пурпурная парчовая вышитая охранный грамота с иероглифом «человек» из черного золота, источавшая густую духовную энергию. Она обладала свойством укреплять тело, защищать при движении и уберегать от падений — подобные вещицы старики и дети в народе носили постоянно.

Вышитый талисман был длиной примерно в половину указательного пальца, а на узком краю крепился тонкий шнурок. Цзи Чаоань тотчас повесил его на шею серой кролик.

Хотя крольчиха отчаянно сопротивлялась, сойтись силами с Цзи Чаоанем ей было не под силу. К тому же, стоило оберегу оказаться на месте, как по меридианам и конечностям разлилось успокаивающее тепло, и крольчиха смирилась с украшением, безвольно растянувшись на куче тряпья.

Тогда Цзи Чаоань пояснил:

— Когда-то эта пещера служила пристанищем для нескольких человеческих мечников...

Если быть точным, то для четырех юных соучеников-мечников, которые странствовали по миру и, проходя мимо горы Чанлю, остановились здесь на отдых.

Изначально они планировали пробыть всего пару дней, но повстречали юного Цзи Чаоаня, который забирался в горы в поисках диких овощей, чтобы утолить голод. Проникшись сочувствием, юноши задержались еще на месяц, обучая Цзи Чаоаня искусству владения мечом и технике культивации Ци в надежде помочь ему пораньше обрести самостоятельность и способность защитить себя.

Молодые мечники отличались чистой и благородной душой: они обучали его ортодоксальным приемам и духовным практикам, а также одаривали всевозможными полезными вещами исключительно из чистого человеколюбия.

Однако за последние столетия отношения между людьми и духами постепенно испортились, а Цзи Чаоань с малых лет наслушался страшных историй о коварстве и злобе людей, обманывающих детенышей юминеи, так что неизбежно склонялся к предвзятости.

К тому же, его собственный отец в свое время накликал страшную беду именно из-за того, что тайно хранил человеческие запретные трактаты, отчего маленький мальчик испытывал еще больший трепет. В итоге он закопал все эти сокровища в пещере и так и не осмелился ими воспользоваться.

Вздохнув, Цзи Чаоань продолжил:

— Если посудить, в этом не было целиком моей вины — сказывалась лишь уузость кругозора. Если бы я тогда знал, что школа тех мечников звалась первейшей сектой мечников в Поднебесной, я бы начал тренироваться много раньше. Впрочем, и сейчас еще не поздно.

Он снова погладил крольчиху и с расстановкой произнес:

— Люди вовсе не так враждебно настроены к нашему роду, как болтают в народе. Жалость к сиротам и забота о немощных не зависят от расы. Бессмертные мечи помогали мне, ничего не требуя взамен, а ведь я юминь, ты — из Царства Рогатых, мы прежде принадлежали к

совершенно разным миром. И сейчас я помогаю тебе тоже не ради награды, а исключительно по доброте душевной...

Гао Хуай терпеть не мог его нравоучения, поэтому его взгляд давно уже устремился в деревянный ящик, а глаза ярко заблестели.

Внутри также лежали легкие и тонкие черные доспехи из драгоценного металла, кошелек и с десяток разноцветных маленьких фарфоровых бутылочек размером с младенческий кулак, наполненных доверху пилюлями самого разного назначения.

Цзи Чаоань отлично знал, что в том кошельке хранится нефритовый жетон передачи вестей — козырная карта, оставленная молодыми мечниками со словом обещания: стоит Цзи Чаоаню активировать вестник, как они преодолеют любые расстояния, чтобы прийти ему на помощь.

В прошлой жизни, будучи супругом наследного принца, он растратил эту драгоценную возможность впустую, помрачившись рассудком, и теперь при одной мысли об этом сердце обливалось кровью.

На сей раз он действовал предельно осторожно, поэтому даже не обмолвился о кошельке кролику и не стал прикасаться к сумочке, а сразу взял флаконы с лекарствами. Увидев это, кроличий хвостик заходил из стороны в сторону.

Правила изготовления пилюль были универсальны по четырем морям: например, белые предназначались для тренировки ци и закалки меридианов, красные — для укрепления и питания плоти, зеленые — для выведения ядов и очищения от скверны, а черные — для исцеления ран и болезней.

Желтые бутылочки использовались для снадобий с «неясным действием» и обычно содержали смертельные яды, но в этом ящике не нашлось ни единой желтой склянки.

Цзи Чаоань взял в руки маленькую черную бутылочку, на этикетке которой значилось Пилюля Восстановления Костей и Питания Плоти. Как явствовало из названия, это было чудесное средство для исцеления травм.

Однако, сжав флакон в пальцах, Цзи Чаоань вдруг загадочно улыбнулся и перевел взгляд на серой кролик.

Крольчиха почувствовала, как шерстка на загривке зашевелилась от холода, и даже тепло костра перестало ее согревать, с видом смертельного врага уставившись на Цзи Чаоаня.

Сам же он заговорил сам с собой:

— Хоть лекарство и отменное, да только горькое донельзя. Как же скормить его кролику — та еще задачка. Если запихивать насильно, выплюнет — только продукт переведешь.

Очищенное личико мальчика казалось нежным и прекрасным, а в отблесках пляшущего пламени его кожа приобрела матовый, почти нефритовый отлив. Под изящными бровями естественной формы таились глубокие и чистые персиковые глаза, а пухлые красивые губы изогнулись в головокружительной улыбке.

Крольчиха на мгновение остолбенела от этого зрелища, но тут же пришла в себя, ощутив еще большую тревогу: какие же коварные методы собирается пустить в ход этот загадочный и непредсказуемый мальчишка?

Цзи Чаоань применил не коварный заговор, а вполне открытый прием.

Он вытащил из корзины изменившие цвет и испачканные кусочки батата, вымыл их растопленным снегом, нарезал кубиками и сложил в крошечную пиалу, после чего растолок половину черной Пилюли Восстановления Костей и Питания Плоти, тщательно перемешал порошок с кусочками батата и вернул пиалу в корзину.

Вторую половину порошка он пустил в дело: сняв старую повязку, щедро присыпал им рану на кроличьей лапке и аккуратно перебинтовал заново.

Когда серую кролик водворили обратно в корзину, она уставилась на выглядевшие грязными и почерневшими приправленные кусочки батата с совершенно остекленевшим, пустым взглядом.

Казалось, даже ее сероватый мех слегка поблек.

<http://bllate.org/book/21199/2145907>